

Двадцать лет российской трансформации. ЧТО ЭТО БЫЛО? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов)

Автор: Н. А. КОСОЛАПОВ

Прошедшее двадцатилетие ознаменовалось для нашей страны огромными переменами. Исчезло одно государство - СССР - и на его месте появились 15 новых независимых государств. Радикально преобразовались экономические отношения, существенно изменились отношения социальные и т.д. Первотолчком всех этих изменений принято считать назначение Генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачева и решения апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 г., констатирующего, что страна стоит на пороге кризиса и необходимы срочные меры по его преодолению.

События последующих 20 лет, как известно, оцениваются крайне противоречиво. Еще предстоит их глубокое осмысление и, разумеется, наиболее точную их оценку даст само время, суд истории. Тем не менее уже сегодня представляется важным проанализировать пройденный путь, сопоставить различные точки зрения на те процессы, которые развивались на наших глазах и при нашем активном или пассивном участии как в обществе, так и в отечественной науке. Этому будет посвящен предлагаемый читателю цикл статей. Известные ученые с разных позиций дадут оценки изменений российской экономики и социальной сферы, правовой ситуации и проблем безопасности, этнополитической и социокультурной ситуации и т.д. Не менее важен, на наш взгляд, анализ изменений, которые произошли в самих общественных науках. Причем такие изменения затронули не только, например, экономику, социологию, право, историю или философию, в наибольшей степени пострадавшие от идеологизации советского периода, но и гораздо менее идеологизированные области типа лингвистики. Надеемся, что все предлагаемые аспекты темы заинтересуют читателей, которых мы также приглашаем к участию в обсуждении.

Даже самое первое приближение к научному анализу перестройки неизбежно складывается в "матрешку проблем". Внешняя ее "оболочка" самоочевидна по крайней мере в вопросительной ее части: "чем была перестройка?", "почему завершилась так, а не иначе?", "какие общество, экономику, государство имеем мы сегодня?" и т.д. Вторая "фигура" сплетена из вопросов: "чем был социалистический эксперимент не только в СССР, но в исторической системе координат?", "каковы границы и масштабы этого явления?", исчерпано и завершилось оно с распадом СССР/содружества или продолжается, мутирует - тогда как и предположительно во что?".

"Фигуру" третью должно составить объяснение того, почему именно Россия оказалась главным полем эксперимента, гипотеза которого зародилась в умах и условиях отнюдь не российских, а создатели этой гипотезы прямо говорили о незрелости России и ее неготовности к социализму, даже принципиальной непригодности к нему.

Косолапов Николай Алексеевич - кандидат исторических наук, заведующий отделом международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений РАН.

В поисках ответа на этот вопрос можно и нужно идти дальше и глубже: какова логика развития рационалистического сознания, возникшего почему-то лишь в малой и очень ограниченной части древнего мира. Значимость ответов на глубинные вопросы намного превышает значение ответов на проблемы более близкие. *Понимание современности определяется пониманием истории и траектории предшествующего развития.*

Конечно, тремя "фигурами" наша "матрешка проблем" не исчерпывается. Я ограничиваюсь лишь теми, которые представляются мне наиболее важными для первого приближения к теме, лежат в поле моих личных научных интересов и возможностей и поддаются хотя бы постановочному рассмотрению в рамках статьи.

Главная теоретико-методологическая проблема анализа и понимания перестройки - откуда начинать отсчет той траектории предшествующего развития, следствием и итогом которой явилась перестройка. Она венчала социалистический эксперимент в СССР. Но социализм - порождение *европейской* мысли, к которому мысль эта шла более двух тысячелетий, вобрав по пути греческие философию и логику, этические воззрения первохристиан (по мнению Ф. Энгельса, коммунистические), римское право, христианское миропонимание и его атеистическое отрицание, науки. Сама европейская мысль - уникальное социально-историческое явление; другие культуры и цивилизации вызвали к жизни совершенно иные духовные комплексы, которые в свою очередь поддерживают и воспроизводят иные *типы бытия*.

Человек рождается из первоначального слияния двух клеток, каждая из которых несет в себе скрытый, но принципиально важный для будущего наследственный материал. Осмысливая итоги эксперимента, последним (так ли?) этапом которого стала перестройка, важно и необходимо мысленно пройти как можно дальше назад к тем изначальным "клеткам", с которых все начиналось. Продолжая аналогию с человеком, можно получить от предков отличную наследственность - и растратить таланты и жизнь попусту. Можно получить наследственность скверную, но целеустремленностью и волей в какой-то мере преодолеть ее, выстроить личную жизнь достойно (замечу: для такого успеха нужно иметь возможность и мужество своевременно и честно понять, какая наследственность тебе досталась; и сосредоточиться не на проклятиях в адрес предков, а на своих целях и задачах). Но можно получить наследственность безнадежную, дефекты и пороки которой не могут изменить (а возможно, лишь усугубят) любые личные усилия.

Учитывая исторические достижения Европы во всех областях жизни и развития за последние две с небольшим тысячи лет, правомерно предположить, что социалистической идее досталось, как минимум, не патологическое, а, скорее, весьма неплохое, социогенетическое наследие. Если так, то фактические итоги отечественного социализма на данный момент заставляют думать либо о первом варианте (провалили хорошее дело), либо о третьем (органические пороки России как культуры убили привитый на это дерево росток социализма). Истинный ответ даст лишь История, ждать его ранее чем через 50 - 70 лет вряд ли стоит. Не пытаюсь объять необъятное, попробую пунктирно наметить линию рассуждений и ареал поиска гипотез и объяснений.

От мыслителей Эллады идут *рационалистическая* мысль и ее *логическая* школа, в отличие от мысли-эмоции, мысли-отражения непосредственных восприятия и опыта, мысли - средства и продукта психологической компенсации, мысли описания, мысли-информации. Перечисленное в Элладе было тоже, как и повсеместно, но там к нему добавилась и на него наложилась, начала формировать последующую эволюцию психики, сознания, разума рационалистическая мысль в единстве с философией - потребностью и способностью задаваться вопросами практическими, но такими, ответы на которые заведомо не могут быть получены ранее, чем спустя многие поколения, а, возможно, не будут получены никогда.

Аристотель и Платон заложили духовную дихотомию, на две тысячи лет ставшую стержнем европейской религиозной, светской и политической мысли, по-разному ответив на один и тот же вопрос: социум или личность первичны и определяющи для всего - от этики и устройства государства до судьбы отдельно взятого человека. Лишь

прошлом столетии под влиянием перипетий капитализма и вызванного его издержками социалистического эксперимента наметит контуры ответа: не "или-или", но "и-и" в растущем многообразии их взаимосвязей. Идеологически этот ответ не может считаться окончательно принятым и поныне.

Рационализм коварен. Можно ли строить общественную и даже личную практику на ясном осознании: "знаю, что ничего не знаю"?! *Рационализм нуждается в дополнении его* всевозможной, в том числе социальной *аксиоматикой, верой* в психологическом смысле, которая на социальном уровне принимает форму *идеологии*. Разумеется, идеология древних неизбежно донаучна, религиозна, но религия - не только миф, фантазия, заблуждения и предрассудки. Она прежде всего *жизненная гипотеза*. Достижение христианства как мировой религии в том, что оно стало *первой системной социально-исторической гипотезой*, на базе которой сложился *институт* церкви, ставший прототипом институтов светской власти. Тем самым был совершен прорыв от *межличностных отношений к появлению, становлению и развитию феномена больших организационных структур*, в XX в. занявших ведущее положение во всех сферах жизни.

Любая гипотеза рано или поздно либо подтверждается и ведет к ее прямому продолжению и развитию; либо отрицается - и тогда ведет уже к содержательно иному развитию. Оба варианта для познания равно важны и ценны при условии их верифицированности. В этом смысле гипотеза и идеология христианства были обречены на череду интеллектуальных и политических кризисов¹. Не вдаваясь в нюансы *истории и теории идеологии* как явления, отмечу важнейшие критические точки в его исторической эволюции. Это прежде всего *кризисы нравственно-политические*, связанные с личностными достоинствами и пороками иерархов и служителей церкви.

Осуждение и неприятие недостойного поведения ряда служителей церкви вызывали неприятие общества, ставя под сомнение и церковные институты. Одним из следствий этого стал *атеизм* - тоже вера, только отрицающая существование данного Бога или Бога вообще, причем атеизм воинствующий - вера фанатичная².

По мере практики и развития наук умножались предпосылки для *кризиса когнитивного*: если доказаны все большее число законов движения небесных тел, механики и пр., то рано или поздно должна была прийти мысль, что все во Вселенной управляется некими законами. Значит, и общество им подвластно. Вначале эта мысль укрепляла религиозное миропонимание: кто, кроме Бога, мог создать обилие столь сложных и мудрых законов и направлять их повседневное и всеобщее действие?! С нравственно-политическим кризисом церкви и ростом знаний законы Вселенной отделились от религии и зажили самостоятельно.

Закономерны были и *кризисы социально-политические*. Власть церкви неизбежно обретала мирские формы и содержание и в этом качестве столь же неотвратимо злоупотребляла, притесняла, давала необоснованные привилегии. Как мирская власть она не была ни всемогуща, ни чудотворна и неизбежно порождала ситуации, в которых общество и церковь были вынуждены выбирать между верой и здравым смыслом. Нахождение *компромисса между верой и жизнью* требовало поколений и становилось возможно в историческом, а не реальном масштабе времени.

На протяжении веков чередование и совокупность названных кризисов должны были в итоге вызывать *кризисы идеологические*: сомнения в самом учении и его краеугольных догматах, лежавших в основе господства церкви и самого религиозного миропонимания. Из идеологических кризисов есть три теоретически допустимые пути выхода, внешне отрицающие, по существу же дополняющие друг друга. Один -

¹ Категория "кризис" используется мною как исчерпанность возможностей текущей фазы цикла, концентрация проблем и предпосылок перехода к следующему циклу.

² Теоретически возможна и в науке давно и плодотворно заявила себя третья позиция: когда решение вопроса оставляется на будущее либо на выбор данной личности.

отстранение церкви от светской власти при оставлении за ней власти и авторитета духовных. В Европе эта возможность была реализована в распаде власти Ватикана на континенте и замене ее вестфальской системой светских государств, в которых со временем стала возможной и необходимой их демократизация.

Другой путь - реформа церкви и ее доктрины. Он реализовался в *Реформации и протестантизме*, утвердивших два принципиально новых убеждения: что для общения человека с Богом церковь как институт необходима минимально и что для получения признания заслуг человека на "том" свете мало не грешить в мирской жизни, надо множить богоугодные дела. Второе привело к *революции в восприятии времени*. Раньше основная и важнейшая, вечная жизнь виделась в загробном мире; мирская жизнь была на этом фоне лишь кратким эпизодом, испытанием на пригодность к возвращению в рай. Теперь судьба человека в загробной жизни прямо зависела от количества и результата мирских дел. Так произошла описанная еще М. Вебером *историческая революция в индивидуальной и социальной мотивации*.

Наконец, третий путь - не атеизм³, но внешне очень похожая на него *подмена воли Божьей волей человека*: если миром управляют некие законы, то достаточно их познать и научиться пользоваться ими, и общественное бытие обретет порядок, благолепие, избавится от пережитков дикости и варварства. Этот путь материализовался в возрождении субъективистского направления философской мысли - человек есть начало всех начал и мера всех вещей - в Европе XVII в.; в европейском Просвещении и американском Веке разума (*Age of Reason*); и, наконец, в появлении первых признаков грядущего дополнения (тогда полагали - замены; опыт XX в. позволяет и требует говорить о взаимодополнении, как минимум, об исторически длительном сосуществовании) религиозной картины мира *научными мировоззрением, миропониманием* и, на этой основе, *научной идеологией*. Теорией, четко сформулировавшей и открыто заявившей эти претензии, стал марксизм.

Ретроспективно марксизм легко судить за массу наивностей и упущений, за слабость гипотезы, за то, что время не подтвердило или прямо опровергло ряд ее положений и за многое иное. На него удобно списывать собственные провалы и несостоятельность. Как теория и методология он не может быть свободен от критики. Однако социоисторически и когнитивно обусловленные слабые звенья гипотезы неверно считать ошибками. О последних правомерно говорить, если известны правильный ответ или хотя бы надежные пути и способы его получения. Смысл же гипотезы и ее верификации - не только в том, что утверждается прямо и будет столь же прямо проверяться в дальнейшем; но и в том, что присутствует в ней имплицитно либо вовсе отсутствует в начальном ее варианте, но именно поэтому выйдет в процессе верификации на первый план и на *ранних* этапах верификации с высокой вероятностью поставит под сомнение гипотезу в целом. История любой науки и любой значимой в ней гипотезы дает тому множество подтверждений.

Ретроспективно представляется, что неизбежная уязвимость первой в своей области гипотезы - не главное, что есть в марксизме. Важнейший его вклад в историю социальных мысли и практики - именно в попытке замещения донаучных, религиозных мировоззрения, миропонимания, идеологии новыми, всерьез и с достаточными основаниями претендующими на научность метода и содержания. Еще не научными - для этого накопленного социального знания слишком мало, в сравнении с потребностями оно и сегодня стоит пока на уровне естественных наук Эллады. Но историческая потребность человека в научной идеологии, развитие мысли в эту сторону угаданы верно.

Происходящий сегодня в России и мире откат к религиозному сознанию закономерен, отражает циклическую природу социодуховных процессов. На наступление

³ Духовная и психологическая разница этого пути с атеизмом принципиальна: будучи разновидностью веры, атеизм порождает волонтаризм, в крайних вариантах - фанатичный субъективизм. Третий же путь опирается на метод проб и ошибок, на рационалистическое сознание и способствует его развитию.

наук и социальной практики на позиции и роль религии последняя должна была отреагировать, и жестко - что она и делает. Этот факт более, чем что-то иное, убеждает: ошибившись во множестве деталей, будучи подставлен практикой, *марксизм оказался прав в его исторической интуиции*. Ныне уже невозможно обойтись без знаний; они требуют рационалистического сознания; а последнее будет продвигать третью из обозначенных выше тенденций выхода из идеологических кризисов - прагматического человека. Такой процесс не может идти иначе, как через исторического масштаба взлеты и падения мысли и опыта.

* * *

При взгляде с макроисторических позиций социалистический эксперимент оказывается не чем иным, как попыткой сознательно, в соответствии с избранной моделью организовать жизнь и развитие общества на перспективу. Такая идея не включает в себе ничего вредоносного, хотя сама реализация сопряжена с рисками и опасностями.

Потребность в долговременных формах социального проектирования, инженерии, управления начинает диктоваться самим характером современных общества, экономики, демографии, науки и техники. Сроки реализации сложных проектов давно перевалили за 12 - 15 лет, сроки окупаемости все чаще выходят на горизонты 30 - 50 лет, некоторые программы превышают и эти пределы (например, осуществление концепции устойчивого развития). Понятно, что при реализации подобных программ и проектов необходимо удерживать ключевые их параметры в заданном коридоре на протяжении десятилетий.

До сих пор подчинять свою жизнь идее, миссии, плану и соответственно организовывать ее удавалось лишь относительно небольшому проценту людей. Обычно это были фанатики веры, науки, творчества, какого-либо дела. Если такой человек оказывался во главе страны, народа, его целеустремленность могла обернуться строительством пирамид, завоеваниями, созданием империй и т.п. Но правитель умирал, и его дело постепенно сходило на нет или рушилось: у потомков были другие интересы, цели, правители. Социальное творчество не превышало продолжительности одной человеческой жизни.

Эксперимент по макросоциальным проектированию и инженерии должен был рано или поздно состояться еще и потому, что с конца XIX в. во все сферы жизни входят организации. Как явление они не были принципиально новы. Но срок существования организации (государства, ведомства, корпорации) может на порядок и более превосходить продолжительность жизни человека. Выдвижение крупных организаций на ведущие позиции и роль влечет ряд принципиальных изменений в обществе, его психологии и этике.

Отношения, ранее складывавшиеся только на межличностном уровне, выстраиваются в сложнейшую иерархию "межличностные - межгрупповые - межорганизационные". Тон в официальной части отношений задают последние, укладываемые в рамки законов. Эта иерархия постоянно усложняется, рядом с официальными растет огромная сфера неформальных отношений, способных переходить в теневые экономику, политику, юстицию. Параллельно мораль делится на три уровня: межличностную (известные заповеди), регулирующую отношения личности с ее неформальными группами (родом, племенем, кланом) и отношения личности с формальными структурами (именно тут масса нового). Наличие в организации множества иерархических уровней ставит проблему *социальной мотивации*: как скоординировать мотивы и интересы людей, чтобы выгодное корпорации, государству было выгодно работнику, управленцам - и наоборот. Организация предъявляет спрос на обратные связи - не демократию в традиционно-политическом смысле, но *обратные связи* в их функциональном многообразии. Организация требует *управления* - профессионализма, знаний и ресурсов, адекватных рациональным целям и задачам деятельности.

Эти сегодня уже банальные представления рождены опытом XX в. с его госбюрократией, корпорациями, массовыми движениями, мировыми войнами, концлагерями. В социально ответственной его части эксперимент подхода к осуществлению социалистической идеи был наиболее полно осуществлен социал-демократией и социал-реформизмом, где дал наибольшие (но, конечно, небеспроблемные) результаты. Европа (а не США) стала для советских людей и номенклатуры мощным подтверждением, что "так жить нельзя", императивом к поиску перемен, усиливавшим сомнения, рождаемые собственными реалиями.

Уже не надо доказывать, что социал-демократия и социал-реформизм Западной Европы оказались столь действенны не только в силу их собственных усилий, но и минимум по двум причинам макроисторического характера. Наличие двух политико-идеологических и военных полюсов, какими стали США и СССР, объективно превращало все социал-реформистские и демократические силы в политический "центр" мира. США, заинтересованные в укреплении Европы перед лицом "коммунизма", не препятствовали силам и политике такого центризма. Характерно, что, когда эта заинтересованность ослабевала (ЕЭС/ЕС превращалось в конкурента, а СССР и СЭВ/ОВД вступили в системный кризис), международный консервативный альянс во главе с США (Р. Рейган) и Англией (М. Тэтчер) начинал наступление прежде всего на позиции Социал-демократии в Европе и мире. Это диктовалось не только идеологическими воззрениями, но и реалиями: Социал-демократия к этому времени из движения преимущественно европейского стала в полном смысле мировым, распространив свое присутствие и влияние на Азию и Латинскую Америку. Успех перестройки в СССР означал бы создание мощного пояса социал-реформизма и социал-демократии от Южной Америки через Европу, Ближний Восток и Москву до Пекина, способного по крайней мере идеологически и политически всерьез бороться с США и консервативными силами Запада за новый мировой экономический порядок.

Не кризис социалистической идеи породил нынешний затяжной упадок левой альтернативы в мире. На смещение политико-идеологического центра глобализирующегося мира решающим образом повлияло начавшееся после 1968 г. прогрессирующее ослабление СССР, превращение КПСС во все более консервативную силу, которая не только не поддерживала левые движения (отношения с социал-демократией лишь начали устанавливаться в годы перестройки, но до устранения КПСС от власти и распада СССР не были нормализованы полностью), но все более сдерживала их в силу дефицита материальных и политических ресурсов.

Социалистическая идея в XX в. работала, и неплохо. Более того, именно эта идея обеспечила все социальные достижения столетия: от скромных (тем более ценных) в соцстранах до процветания ЕС, ооновских "десятилетий развития" в "третьем мире" и, наконец, до выдвижения концепции глобального устойчивого развития. За всем этим - нравственно-политическое мышление, на котором покоятся социалистическая идея и психология. Идеи рынка и свобод человека - сами по себе нужные - на практике рождают лишь экономическое и социальное неравенство. Регулировать это неравенство можно, принуждая массы оставаться в подчинении, хотя возможны и механизмы относительного перераспределения благ. Вредны крайности: "дикий" капитализм, плодящий резкое социальное расслоение, и "всеобщий собес", убивающий социальную мотивацию и ответственность.

Сейчас над социализмом с человеческим лицом, социалистической идеей модно иронизировать. Да, то и другое идеалистичны, а в прошлом были политически неопытны и наивны. Но морально они несут твердый отказ от насилия и бандитизма как основы не только революции (насилие тут неизбежно), но и всего последующего обустройства жизни. Политически эти идеи отражают стремление максимально приблизиться к практике социал-демократии, сумевшей осуществить многие задачи и цели практического социализма. Но главное - все остальное - то не лицо, а харя. Сегодня это особенно очевидно. Пока будет сохраняться акцент на нравственное и разумное регулирование общественной жизни, а не на принуждение (будь то экономическое или внеэкономическое), идея социализма и левая альтернатива останутся незаменимы и актуальны.

Марксизм прав прежде всего в материалистическом взгляде на общество, историю, социальные процессы; в установлении (на современном языке) прямых и обратных взаимосвязей между бытием и сознанием, практикой и теорией; в создании методологии политико-экономических исследований, основанной на признании всего перечисленного как исходных принципов построения наук об обществе и человеке. Не его вина, что практика в СССР подменила все это волюнтаризмом - вариантом идеалистического взгляда на мир и себя в нем; осознанным уничтожением всего, что мешало такому взгляду; бегством от изучения реалий советского общества.

* * *

Почему именно Россия при всей ее неподготовленности первой пошла на эксперимент? И *что считать социалистическим экспериментом!* Если это происходившее в нашей стране между 1917 и 1991 гг., мы имеем одно определение явления. Такой эксперимент действительно нигде больше повторен в строгом смысле не был: ни в Китае, где он успешно повернул к реформам Дэн Сяопина; ни в СФРЮ, по советским понятиям стране ревизионистской; ни в Монголии, Вьетнаме, на Кубе, где социализм сильно отличался от советской его модели; ни тем более в странах Восточной Европы.

Однако социалистический эксперимент можно определять иначе. На опыте XX в. по критерию генезиса вырисовываются как минимум три его модели. Исторически *первая* сложилась в тех странах, где с оружием в руках боролись за то, что считали новым справедливым общественным устройством, - в России, Монголии, Китае, Вьетнаме, Корее, Югославии, на Кубе. Не будем злорадствовать: "за что боролись, на то и напоролись". Наивность - не дефект умственных способностей, а следствие отсутствия нравственного и социального опыта как в историческом ("вообще"), так и в конкретном (у данных общества, человека в данных условиях, период) смыслах. Когда возникающие проблемы несоизмеримы с имеющимся опытом, социальная наивность неизбежна.

Исторически *вторая* модель социализма сложилась в странах, куда по итогам Второй мировой войны ее принесла Советская армия. Там эта модель была чужеродна; против нее не раз бунтовали; и рухнула она с такой легкостью именно потому, что даже местные партийные элиты (мое твердое впечатление от конца 1980-х гг.) были уверены, что сохранение их у власти Москве нужнее, чем им самим. Особенно заметно это было в бывших ГДР, Чехословакии, Болгарии.

Но если не отождествлять социализм только с реалиями СССР и их вариациями, то надо признать существование *третьей* модели - той, что была создана в странах Западной Европы усилиями социал-демократии и социал-реформистов. Не вдаваясь в тонкости, выделим главные черты этой модели. Первое: во всей Европе эта модель производна от идеи социализма, пусть по-разному понимаемой и реализуемой. Второе: эта модель реализована партиями Социнтерна на фоне реалий СССР, давшей опыт "социалистической пугачевщины" и подказавшей европейским элитам, что лучше пойти на уступки обществу (другим вариантом подобного опыта стал национал-социализм, но здесь я не буду касаться данного аспекта темы). Третье: не США победили СССР в "холодной войне" (гонка вооружений могла в принципе продолжаться еще очень долго), но западноевропейская социал-демократическая модель и ее достижения показали элите и обществу бывшего СССР, что социализм может быть качественно иным - и во всех отношениях успешным. Советская модель рухнула не потому, что люди в СССР жили беднее, чем в Европе (по сравнению даже с 1950-ми гг. прогресс СССР 1960 - 1970-х гг. несомненен), но потому, что на продвинутом по советским стандартам этапе, потребовавшем нового качества жизни, она отвергла "социализм с человеческим лицом", вдохновленный опытом и достижениями социал-демократии. Это вызвало нравственную, интеллектуальную и лишь потом материально-практическую реакцию советского общества.

В предельно широком смысле социалистический эксперимент - попытка реализации идеи социализма, включающая как частные случаи все три выше обозначенные модели. XX в. правомерно считать "экспериментальным". По ходу его требование, изначально нравственное, становилось технологическим, а потом и экзистенциальным: современные производство, техника, даже средства уничтожения требуют жить по разуму, а не по законам стихии; и не только в вопросах "техники безопасности" в прямом и переносном смыслах, но и в социальной организации всей жизни.

На вопрос, почему именно Россия стала первой, есть простой до самоочевидности ответ: потому что *из всех наиболее готовых к новым формам экономической и общественной жизни она была готова менее прочих*. Россия начала XX в. - слабое звено во всем: в экономике, политике, вере, положении в мире, самоощущении. Но слабее все-таки по меркам Европы и Америки, а не Африки или Азии. Россия того времени *маргинальна* не вообще, но лишь по отношению к ведущим державам эпохи, к которым она (да и другие) причисляет себя по статусу, но знает и понимает, что во многом неровня им практически. Маргинальное^ искушает: рывком, скачком, чудом - рвануться туда, куда, казалось бы, рукой подать. Она искушала и разрывом между массой - неграмотной, деревенской и крайне тонким слоем образованных людей. "Образованщина" в таких условиях способна смотреть на "дикое" население как на расходный материал.

Строго говоря, Россия не была первой: раньше нее на путь социальных потрясений встали страны Латинской Америки. Но там сработало сдерживающее влияние США, тогда как по отношению к России действовали противоположные факторы - Первая мировая война, стремление всех союзных России стран как можно дольше и любой ценой удержать ее на полях сражений. Действовало и другое. Российский капитализм 1990-х гг. помогает понять то, о чем написаны горы художественной и специальной литературы, но что только сейчас начинает прочувствоваться по-настоящему - отечественный капитализм 1880-х - 1910-х. Тогда, как и сейчас, он сталкивался с тупой самонадеянностью власти, опорой которой был полицейский режим. Тогда, как и сейчас, капитализм был политически бесправен, а зачатков гражданского общества не было. Как и ныне, капитализм (особенно мелкий, местный) противостоял давлению и власти, и криминала, тогда породненного с этой властью через "черную сотню". Тогда, как и сейчас, под влиянием социальной и политической среды капитализм в России сам отличался не ангельскими нравами. Итогом и следствием стало взаимное отчуждение власти, бизнеса и общества, расчистившее путь революции. Та мера отчуждения, которой все-таки "не хватило" в Мексике, Германии, Венгрии.

Системные причины первенства России заключались в особом ее положении по отношению к духовной жизни Европы. Со времен Петра (вероятно, еще с Крещения Руси) страна постоянно определяла себя не только как часть европейской культуры, но и как противоположность ей. Восприняли христианство - но ветвь, маргинально-еретическую по меркам *res publica Christiana*. Прорубили "окно в Европу" - но снабдили его массой приспособлений, оставивших пространства по обе стороны от окна в положении плохо сообщающихся сосудов. Взяли науки, университеты - но поставив их в духовно-политическую зависимость от церкви и самодержавия. На этом фоне учение, по происхождению европейское, но яро отрицавшее опыт и достижения Европы того времени; рожденное в гуще политико-религиозных споров и борьбы Европы и кричавшее, что оно идет на смену религиозному миропониманию вообще (причем действительно так), в России попадало на максимально благоприятную для него духовную и политико-психологическую почву, идеально соответствовало российской идентичности.

* * *

Советская модель социализма давала сбои всегда, но особенно с 1950-х гг. В основе этих сбоев лежала простая и до времени неискоренимая причина: централизованная плановая экономика не имела (до сих пор не имеет) операциональной теории. Задним числом особенно понятно, сколь сложной должна быть такая теория, если

она вообще возможна. Отсюда постоянное "перетягивание каната" между идеологией и требованиями экономики, в котором побеждала чаще всего идеология. Дефицит теории компенсировался произволом власти, последний смягчали всевозможные ухищрения практиков: корректировки планов, шефства, теневая экономика. С прекращением репрессий компромат (по сути - уголовно-экономический шантаж) постепенно становится едва ли не способом управления хозяйственной номенклатурой, что плодит и усиливает в ней настроения недовольства.

Будучи активным лектором и объездив в этом качестве весь Союз, я не раз бывал в 1970-е свидетелем и участником разговоров во время и после партхозактивов, когда ответственные сотрудники Совмина; Госплана СССР, даже некоторых отделов и секторов ЦК в своем кругу прямо говорили о необходимости передать экономику "специалистам", оставив партии лишь идеологические функции. Этим, на мой взгляд, объяснялось принятие в 1977 г. брежневской Конституции с ее знаменитой 6-й статьей о роли КПСС в советском обществе. Спустя 15 лет неуклюжие попытки Ю. Андропова "укрепить государственную и исполнительскую дисциплину", то есть резко ужесточить давление на хозяйственную номенклатуру, ничего не меняя в идеологическом отношении к рынку (который существовал в той или иной мере во всех других социалистических странах), поставил страну на грань номенклатурного взрыва (чем, как я понимаю, объяснялись частые в 1985 - 1987 гг. высказывания М. Горбачева о том, что времени для перестройки историей отведено очень мало).

СССР с его централизованной плановой экономикой был (и еще надолго останется в истории) крупнейшей организацией прошлого века. При этом в нем на протяжении десятилетий из соображений идеологии и специфически понятой управляемости нарушались, игнорировались функциональные требования, более других - требование полноты и адекватности обратных связей. Фактически роль обратных связей выполняли периодические кризисы в различных сферах, отраслях, на территориях. Управленческая задача заключалась в том, чтобы создать новые стимулы, как-то встряхнуть страну, побудить эту гигантскую организационную машину работать с нарастающей отдачей.

Ответ на *идеологически приемлемом*, не управленческом уровне допускал ряд подходов. *Экономический* подход прошел две стадии: оттепель 1950-х гг., надежды на здравый смысл и попытки реформ; стадия 1960-х гг. первой косыгинской реформы. На этом варианте был поставлен жирный крест августом 1968-го. Олицетворением *административного подхода* можно считать Андропова, хотя попытки так или иначе "закручивать гайки" имели место во все времена. После того как экономические реформы оказались надежно заблокированы, а административный подход доказал свою импотентность, к началу перестройки наиболее заметен стал подход *радикалистский*. Суть его в том, что нужно экономическое закабаление человека. Если созданы "слишком хорошие" условия - человек уверен в завтрашнем дне, не платит за лечение и образование, мало платит за квартиру и т.д. - то для придания нового тонуса его мотивации надо поставить его в такие условия, чтобы он был вынужден "крутиться", как на Западе. Этот подход в итоге одержал верх с началом перестройки. Именно он потребовал введения рынка, допущения частной собственности. Это *поиск не разворота экономики к эффективности* (о чем думали в 1950-е и 1960-е гг., думают и сейчас), но *комплекса средств экономического принуждения* в условиях, когда сам характер современных общества, экономики, внешнего мира давно заставил отказаться от принуждения физического.

Парадокс: партия, начинавшая с борьбы за права и интересы трудящихся, заканчивает радикалистским наступлением на эти самые права и интересы, тем самым расчищая путь к отстранению себя от власти. Но ситуация, во-первых, по-своему логичная: где нет или остро не хватает теории и средств регулирования, управления, начинают работать средства силовые, которые: (а) не обязательно физические; (б) всегда суть главный признак стихийности начинающихся или идущих процессов (лишь стихия не знает иного регулятора, кроме силы). Во-вторых, в истории Европы и России были

тому прецеденты. Когда рабовладение в Риме, крепостничество в России перестали быть эффективными, рабов в первом случае, крестьян во втором начали выталкивать в хозяйствование на их страх и риск. Тогда это заняло в первом случае века, во втором - десятилетия. Теперь выталкивать предстояло прежде всего *организации* - предприятия, территории, республики. Так рождались хозрасчет, наш вариант рынка и федерации. Но рано или поздно все они должны были потянуть за собой человека. Очередь до него дошла спустя 20 лет - по историческим меркам срок малый - в рамках нынешних реформ социальной сферы и ЖКХ.

Этот момент представляется принципиальным. *Экономика СССР и его номенклатура не рвались в рынок: субъективно положение их было вполне комфортным. Даже теневая экономика была производна от условий "развитого социализма", а не рынка. Но система перестала адекватно реагировать на практические и политико-идеологические запросы ее высшего руководства. Притом запросы, диктовавшиеся внешними условиями, а также логикой поддержания самой системы, легитимности места и роли КПСС в ней. Рынок на этом фоне стал казаться саморегулятором там, где не было или переставали действовать регуляторы привычные.*

Номенклатура защищалась, приспособлялась, становилась все более изощренной и самоуверенной; все четче определяла для себя собственные интересы. Ее самозащита началась не с перестройкой, а еще во времена репрессий, и к началу перестройки соответствующие инстинкты и навыки развились неплохо. К тому же десятилетиями нарастающая теневая экономика потянула за собой вначале теневую юстицию, затем теневую политику ("телефонное право" и есть переплетение второй и третьей "тени"). Все это превращало самые близкие к "земле" хозяйственную, местную номенклатуру, функциональное обслуживание (снабженцы, полу- и теневики, правоохранение) и функционально обиженных (осуждавшиеся по линии ОБХСС) в политическую силу - неорганизованную, но не склонную послушно ходить по предлагаемой "сверху" струнке.

Называя вещи своими именами, перестройке предстояло:

- *ввести систему социоэкономического саморегулирования там, где централизованное планирование не справлялось, в областях, которые имели для государства и его руководства второстепенное значение, высвободив этим ресурсы и время для главных и стратегических задач;*
- *для этого существенно потеснить идеологию экономикой и здравым смыслом, пойдя на допущение частной собственности, рынка и легализацию "цеховиков" - той безопасной для государства части теневой экономики, которая только и могла стать на первых порах основой формирующегося рынка;*
- *существенно модернизировать всю систему обратных связей между обществом, экономикой и государством, а также в последнем, пойдя для этого на политическую демократию, ослабление цензуры, в перспективе на допуск многопартийной системы и трансформацию КПСС в ее "партийной" (в отличие от "церковно"-идеологической) ипостаси в такую систему или центральную ее часть;*
- *для всего этого существенно снизить роль и место КПСС в обществе, исключив или сведя до минимума риск ее вмешательства в рыночную часть будущей экономики; по существу предстояло ограничить абсолютизм власти аппарата: на полное отделение партии-"церкви" от государства поначалу не замахивались;*
- *все перечисленное требовало для запуска реформ нейтрализации фундаменталистского крыла партии, а для этого - изменения политико-пропагандистской и идеологической обстановки, что было отчасти (полностью не удалось) достигнуто лозунгом "больше социализма!"⁴, идеями общеевропейского дома и общечеловеческих*

⁴ Напомню, что "социализмом" официально считались в СССР только советская модель и политика КПСС, что на практике выливалось в возможность для партийных функционеров и номенклатуры отождествлять себя и собственные взгляды, интересы, действия с таковыми партии, страны, социализма в целом. Эту практику и предстояло перестраивать. Лозунг, буквально понятый, означал, что, напротив, всего перечисленного должно становиться больше. Это противоречие, заложенное в фундамент перестройки в самом ее начале, в дальнейшем мощно сыграло в обществе и самой партии против КПСС и ее руководства.

ценностей, рассеивавших атмосферу "осажденной крепости" и на будущее открывавших перспективы сотрудничества с европейской и мировой социал-демократией, с реформирующимся Китаем.

Таков ли был замысел перестройки? Не знаю. Но логика того, что должно было быть сделано, если исходить из рациональности целей перестройки на начальном ее этапе, просматривается такая или примерно такая. Оговорка о "начальном этапе" не случайна: период со смерти Л. Брежнева по настоящее время отчетливо распадается на три этапа. Первый - осознанная попытка поворота от того, что было, к тому, чего хотелось бы, - с прихода Андропова до (уже с совершенно иной философией и иными средствами) январского пленума ЦК КПСС 1987 г. Затем в номенклатуре и социальной элите развернулась игра без всяких правил, и с 1988 г. (XIX конференция КПСС) пошел абсолютно стихийный процесс, который продолжался до отставки Б. Ельцина. С приходом В. Путина начался выход из стихии в более или менее стабильные, регулируемые и уже принципиально новые условия, без оглядки в прошлое. На каждом из этих этапов лидировали свои движущие силы.

Не вдаваясь в их анализ (тема отдельная), отмечу то, что представляется существенным для объяснения динамики перестройки. На первом этапе нужно было сломать догматические препоны самой идее реформ и ее стержневому направлению - допущению рынка и частной собственности. Но уже на втором мощно заявили о себе реальные интересы партаппарата, союзных республик и областей, а также - главное - союзной бюрократии. Перспектива приватизации ставила проблему нейтрализации теневого капитала и криминальных общаков - единственных в СССР платежеспособных потенциальных приватизаторов. В игре без правил при необходимости учитывать криминал как реального игрока для номенклатуры и будущей элиты особое значение обретали тесные связи с правоохранением, с оперативными его структурами.

В том, что перестройка завершилась распадом СССР, решающую роль сыграли три взаимосвязанных обстоятельства. Первое и, на мой взгляд, главное - то, что СССР создавался, жил и развивался как орудие и средство политики КПСС. И когда этот стержень вынули из государства, у последнего не оказалось собственных легитимности, мотивации, устремлений. Второе - феноменальные самонадеянность, субъективизм и безответственность отечественной элиты. Когда высший слой ведет себя подобным образом, это не вина конкретного человека (хотя и она тоже), но прежде всего объективное явление. И третье: все организации (формальные структуры) в отличие от неформальных (страна, народ) - смертны. СССР был чисто формальной структурой; и когда доступные ей исторические функции исчерпались, организация оказалась перед неизбежным выбором: трансформироваться в нечто новое или исчезнуть. Трансформация замыкалась на элиту и ее связи с обществом.

Советский Союз прекратил свое существование, возникла Россия. Кто реально в России мог прийти к власти после того, как распался Советский Союз? Гражданского общества, настоящих политических партий нет и спустя 15 лет. Какие силы реально выходили на авансцену по ходу и в результате перестройки? СССР держался на трех китах: партия, силовые структуры и хозяйственная бюрократия. Если роль КПСС снижается, то баланс нарушается, даже если бы страна не распалась. Но и баланс нарушился, и распалась страна, поэтому возникло возмущающее влияние со стороны нескольких факторов.

Фактор первый (и его можно было прогнозировать) заключался в том, что бюрократия союзного уровня "схватила" с ненавидящей ее бюрократией республиканской. Особенно это чувствовалось в Москве, где власти РСФСР были конгломератом второстепенных органов, которые крайне мало что могли решать. Эта схватка двух номенклатур - союзной и республиканской - обыгрывалась последней как освобождение от номенклатуры вообще, от коммунистов.

Вторая схватка - борьба между КГБ и правоохранением, то есть МВД, прокуратурой, судебной системой. Главная задача КГБ внутри СССР состояла в контроле за силовой номенклатурой и за номенклатурой высшего хозяйственного уровня. В этом

была управляемость системы. За десятилетия правоохранение накопило много эмоций против КГБ, и его расформирование состоялось не без влияния и участия бывших поднадзорных. Бывшие сотрудники КГБ разошлись по частным службам безопасности и со временем подготовили удивительную вещь. Массовый приход людей бывшего КГБ в экономику и на высшие государственные должности лишь в последнюю очередь объясняется тем, что Путин сам вышел из этой организации. Действуют прежде всего иные причины. Работая за пределами СССР, люди КГБ отлично знали мировую экономику, реальный рынок задолго до того, как то и другое пришло в Россию. Приход этих кадров в фирмы создавал инфраструктуру под будущую их роль в экономике и политике. По роду прежней деятельности эти люди привыкли планировать операции, длящиеся годы и десятилетия. В 1990-е гг. они выжидали, пока перемелется "расходный материал", который выносятся любой революцией наверх.

Третья схватка - борьба с криминалом за оттеснение его назад, на маргинальные позиции в обществе. По-видимому, услугами и капиталами его в период 1987 - 1999 гг. все-таки попользовались. Но ни одному человеку с известной криминальной репутацией пока не удалось занять место в высших эшелонах элиты. Можно полагать, что и не удастся. Отсюда следует, что современная российская элита в основной ее части - прежняя номенклатура и ее прежний же резерв.

* * *

Преуспела перестройка или провалилась? В том и другом случае - в чем именно? Насколько приложима к ней мысль, что люди, как правило, не осознают или не вполне осознают, участниками каких отношений они являются?

За последние 15 лет сменились государство, страна, экономическая и политическая система, официальная идеология, а власть, общество, наука продолжают называть происходящее "реформами" (хотя правильнее, наверное, говорить о революции - как это сделал Ельцин - или контрреволюции). Но, может быть, какая-то основа осталась? Мы просто эту основу не видим, обращая внимание на смену антуража, внешних форм. Хотя она остается прежней - формационной и/или культурно-цивилизационной (на мой взгляд, той и другой одновременно).

Систему, сложившуюся в России к началу XXI в., я рискнул бы охарактеризовать как очень своеобразный "неофеодализм". На мой взгляд, *произошла первая смена строя в рамках общественно-собственнической формации*. Прежняя формация базировалась на частной собственности и на преимущественно межличностных отношениях. С начала XX в. они уступают ведущее место межорганизационным, а коллективная собственность (будь то государственная, акционерная или кооперативная) становится практической необходимостью, неизбежностью и ведущим социально-экономическим фактором. Поскольку эти тенденции присущи не только России, можно допустить, что развитый мир тоже движется в сторону неофеодализма (о чем там не раз уже писали), хотя иными темпами и в иных формах.

Симбиоз власти, правоохранения и бизнеса разорвать пока невозможно. Он, а не личные предпочтения, задает авторитарные тенденции в политике, экономике, в организационных формах жизни вообще. Но, во-первых, это феодализм качественно новый. История прошла в частнособственнической формации и межличностных отношениях через несколько витков, вышла на следующий уровень и, не исключено, повторит аналогичные витки уже в коллективно-собственнической формации и межорганизационных отношениях. Во-вторых, есть все основания полагать, что общественные формы, однажды возникнув, не исчезают бесследно, но остаются еще надолго, в одних циклах истории отступая далеко на задний план, в других - возвращаясь на авансцену в новом обличье. В-третьих, формационный подход не исключает цивилизационного, системно-исторического и, возможно, иных. Все они должны рассматриваться во взаимосвязях. Все это в совокупности образует социальную экологию, принимающую ныне глобалистские формы.

Это - гипотеза. Ее верификацию предстоит отслеживать на нескольких направлениях. Представляющееся первостепенным из них - тип складывающегося рынка. Капиталистический рынок живет массовым производством и массовым же потреблением. Рынок феодально-сословного общества иной: верхушка может приобрести что угодно и по любой цене. Но если наверху пирамиды цены складываются в ориентации на такого потребителя, то цены внизу, даже низкие, оказываются такими, что все большая часть населения выживает под дамокловым мечом угрозы нищеты. Между этими полюсами никого или почти никого. Это - рынок феодализма.

Сейчас идет подспудное, плохо осознаваемое, во многом стихийное противоборство не за рынок как таковой, но фактически за *тип рынка*, который и предопределяет будущее страны. Впечатление таково, что люди, окружающие Путина, понимают или интуитивно чувствуют, что Россия станет конкурентоспособной в мире, поднимет свой статус, лишь существенно окрепнув экономически. Для этого надо поощрять рынок первого типа. Внутренние силовые структуры, бюрократия всех уровней сопротивляются, исходя из своих природы, отношений с обществом и интересов. Перевес пока на стороне "новых бояр" - коалиции последних.

Другое направление верификации - феодальные войны. Есть ли они, какие, где их искать? Старый феодализм был территориально-наследственный. Неофеодальные структуры возникают и на территориальной, и на отраслевой основе, и на их смеси. Борьба между неофеодальными структурами не обязательно имеет военные формы. Войны ведутся за территории, за контроль над населением. Контроль же над сетью (а рынок - сетевая структура) устанавливается иными средствами. В заказных убийствах за 12 последних лет погибли тысячи человек, но случайных прохожих при этом пострадали от силы десятки, что говорит о квалификации исполнителей. Ни одно громкое убийство не раскрыто. Разве не правомерно считать это явление прямым аналогом феодальных войн?

Еще одно направление верификации: в феодальной системе не должно быть "второго номера", хотя бы отдаленно соизмеримого с первым. В старом феодализме "вторые номера" поставляла родовая знать. В современном их источниками могут быть особо важная для страны территория и/или ведущая по значимости отрасль. Подобная территория в России одна - Москва, дающая львиную долю налоговых поступлений в федеральный бюджет. Отраслей - две (нефть и газ). Названных субъектов и надо время от времени "ставить на место" (лишать части имущества и доходов, банкротить, их руководителей подвергать политическому ostracismu, уголовным преследованиям) ради сохранения ведущей роли "первого номера". Безразлично, кто персонально занимает должности "первого" и "вторых" номеров, как эти люди оказались в должностях - важна логика иерархических отношений в вертикальной структуре, построенной по феодальному принципу. Эта логика воспроизводится в верхушке каждой "пирамиды"-подсистемы государства: в субъектах Федерации, государственных, смешанных и частных корпорациях, политических институтах. Это нормальная феодальная ситуация, которая - теоретически - должна будет развиваться.

Последний в этом перечислении, но не по значимости момент: если продолжать логику процесса постановки человека в условия максимальной экономической зависимости, то по этой логике сейчас в качестве следующего шага основную массу городского населения надо лишить собственных квартир. Для этого надо поставить их владельцев в такие экономические условия, чтобы содержать квартиру оказалось непосильно, и люди сами переходили бы жить в наемное жилье. Только при этом условии будет создан настоящий рынок мобильной рабочей силы, в котором человек не сможет "увильнуть", сдавая квартиру или выживая за счет шести садовых соток. Все законы для осуществления этой схемы заложены еще в начале 1990-х гг. Суть идущих процессов - лишить относительной экономической независимости основную массу городского населения.

Перестройку, ее результат можно трактовать как по-своему закономерный крах авантюры октябрьского переворота 1917 г. или даже как агонию системы, не сумевшей и не пожелавшей разобраться в объективной природе своих внутренних процессов. Такая трактовка эмоционально понятна. Но она не отвечает на главный (по крайней мере для меня) вопрос о месте перестройки в социалистическом эксперименте и через него - в мировом развитии.

Думается, главных когнитивных (других мы здесь не касаемся) итогов перестройки несколько. Один, центральный по значимости: человечество не готово и еще не скоро будет готово к социально-исторической инженерии. Главная причина этого - острейший дефицит знаний. Крупные и сверхбольшие социальные системы для нас пока реальны по возможностям их создания, но неуправляемы. И это верно в отношении не только бывшей советской модели, но всех сверхбольших систем вообще. Мировая наука не имеет операциональной теории управления такими системами. Неспособность к длительно устойчивому и эффективному управлению ими открывает две перспективы - срыв назад к стихийному течению общественно-исторического процесса (а значит, к духовной реакции, насилию, конфликтам как формам социоисторического регулирования). Или настойчивость в организации жизни по принципу "не замахиваться на нереальное, делать посильное и уметь отличать первое от второго".

Отличать умеем еще очень плохо, и констатация этого - второй важный когнитивный итог перестройки. Можно усматривать за этой неспособностью шкурный интерес тех, кто пытался сохранить должности и привилегии, обрести власть и богатство. Но нужно увидеть и другое: крайне невысокий пока уровень развития рационалистического сознания, его недостаточную способность направлять и контролировать даже индивидуальное, тем более социальное поведение человека. По существу, *Homo sapiens* еще только начинается, и с кризисом социалистической идеи в его историческом становлении происходит мощнейший социальный и духовный откат. Сделать этот откат временем закрепления *ratio* подготовки нового прорыва от религиозных и атеистических (по-своему тоже религиозных) сознания и идеологий к а-теистическим - главная задача этапа Истории, открытого завершением перестройки и распадом СССР.

С двумя этими событиями капитализм получил шанс стать глобальной системой - и за минувшие двадцать лет не родил ни одной принципиально новой социоисторической мысли. Распад СССР он воспринял как подтверждение своей абсолютной правоты и отреагировал на него резким усилением радикалистско-неолиберальных и фундаменталистско-либеральных взглядов и настроений. Ощущение "конца истории" - признание идеологической исчерпанности перед лицом проблем современного мира. Объективно это тоже когнитивный итог перестройки: не сумев провести рациональную коррекцию гипотезы, теории и практики социализма, она распахнула шлюзы стихии - отечественной и, шире, глобальной, включая реанимацию на какой-то период явления религиозно-идеологических войн ("борьба против международного терроризма" - не что иное, как эвфемизм, призванный скрыть неудобную сущность явления). Перспектива распространения подобных конфликтов указывает на когнитивный выбор: всеми силами удерживать социальное и духовное пространство, созданное *ratio* и его европейским достижением - социал-реформизмом, или рисковать возможностью того, что становление *Homo sapiens* начнет новый виток уже в совершенно иной социокультурной, цивилизационной, демографической среде, потребует новых десятков поколений - как это уже происходило в период между расцветом Эллады, Рима и европейским Просвещением.

Эта перспектива подтверждает и другое, на что уже не раз указывали многие авторы: кризис коммунизма - кризис и его антитезы. Невозможно долее придерживаться в чистом виде идей, теорий и идеологий, зарождавшихся в эпоху и по горячим следам европейского Просвещения. Опыт социал-демократии, китайских реформ и перестройки (в хронологическом порядке) - та "печка", от которой начнется отсчет

общественно-политической мысли и *мышления* XXI в. Мышления, которое, судя по всему, будет строиться не на членении опыта и знаний, не на противопоставлении одних идей другим, им противоположным, но на их интеграции, синтезе. *Разумное* общество как единое целое может существовать лишь на базе такого компромисса. Получение требуемых для поддержания *динамической стабильности такого компромисса* знаний должно было бы рассматриваться как главная и жизненно важная цель социализма, как центральная предпосылка самой его возможности.

Революция "сверху" - а перестройка была именно этим - abortируется самими верхами или сметается высвобожденными и уже не контролируемыми ею силами. Перестройку постигло второе. Тем органичнее должен быть процесс, ставший терминатором перестройки; тем больше оснований ожидать от него нового социально-исторического содержания, а не механического возврата к ранее известному. Спустя 20 лет после начала перестройки еще только начинают складываться условия, позволяющие приступить к ее научному анализу. Время ставить вопросы, переформулировать проблемы, выдвигать гипотезы. Время отказа от перестроечных, около- и постперестроечных мифов.

© Н. Косолапов, 2005